

ДОМ В ЛЕСУ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВОЛШЕБНО-СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ»

Дарья Васильевна Пономарева

кандидат филологических наук, старший преподаватель Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: dvponomareva@sfedu.ru

ORCID: 0009-0008-8498-2422

Аннотация. В статье впервые предпринимается анализ специфики трансформации и функционирования основных элементов волшебного-сказочного комплекса дом в лесу в романе братьев Стругацких «Трудно быть богом». Лесной дом, используемый земными историками в качестве секретной базы, играет в романе роль пограничной зоны между «своим» миром Земли и «чужим» миром планеты Эксперимента. В лиминальном пространстве Пьяной Берлоги на первый план выходит вторая составляющая сказочного комплекса, связанная с временным пограничным состоянием неофита после посвящения. Пространство испытания, обозначенное в первой главе с помощью сказочного образа лесного дома, расширяется в романе до всей планеты Эксперимента. Особое внимание уделяется испытанию идеи, научной Проблемы Бескровного Воздействия, которое оборачивается проверкой главного героя и его товарищей на человечность. Пограничная зона взаимопроникновения чуждых друг другу цивилизаций предстает пространством взаимного разоблачения обоих миров, которое дополняется и саморазоблачением в духе карнавального романтического гротеска. Разоблачение антиутопического Арканара связано с преследованиями книжечеев, спасением которых занимается дон Румата. Ситуация безысходности, в которой оказывается герой, драматически осложняется, превращаясь в ощущение неправильности происходящего. Землянин не может принять страшную реальность Арканара, но неприемлема для героя и абстрактная базисная теория земного Института экспериментальной истории. В конечном итоге реальная жизнь чужой планеты превращает утопическую мечту в антиутопию, земные историки, пытающиеся играть в богов, бессильны изменить аборигенов. Планета Эксперимента влияет на разведчиков гораздо больше, чем они могут повлиять на нее. В финале романа борьба Антона-Руматы с собственной природой и ощущением двойственности приводит героя к срыву, предсказуемому в свете как уязвимости базисной теории землян, так и торжества антиутопической практики чужой планеты.

Ключевые слова: братья Стругацкие, фантастика, сказка, дом в лесу, утопия, антиутопия, пограничное пространство, Прогрессорство, романтический гротеск

Как отмечают многие исследователи отечественной фантастики, одной из основных проблем творчества братьев Стругацких всегда была идея Прогрессорства, основой которой являются вопрос о праве на вмешательство в историческое развитие иной цивилизации и размышление о том, будет ли полезно такое влияние со стороны, «облегчит ли страдания человеческие или, наоборот, приведет к новым несчастьям и бедам» [Микешин: 252]. Акцентируя внимание на аксиологической и онтологической составляющих этой проблемы, Я. Солдаткина в своей работе рассматривает вопрос о «способности как всего человечества, так и конкретного героя-интеллекта бросить вызов несправедному миропорядку» [Солдаткина: 290], а также степени моральной ответственности героя за возможную гибель невольной действительности. Изучая проблему Прогрессорства в творчестве братьев Стругацких, некоторые исследователи формулируют вопрос еще шире, связывая судьбы обеих цивилизаций, как экспериментаторов, так и подопытных: «существуют ли моральные ограничения при принятии научных проектов, которые со временем могут привести к разрушению земной цивилизации и уничтожению человечества» [Антонов, Чередникова: 62].

В романе «Трудно быть богом» прогрессорская линия только намечается, на сюжетном уровне воплощаясь в буквальной

встрече лицом к лицу прошлого, представленного безымянной планетой Эксперимента, и будущего, представителями которого становятся ученые утопической Земли. Так, в романе актуализируются два из трех основных метасюжетных комплексов творчества фантастов: «проблематизация утопического дискурса» [Фокин: 330] в сочетании с антиутопической моделью. Как подчеркивает Е. Неелов, известный исследователь сказочной традиции в отечественной фантастике, именно динамика взаимоотношения двух чуждых друг другу миров «обнажает фольклорные модели, по которым строится художественное пространство романа» [Неелов: 180] и определяется развитие его основных сюжетных линий. Исследователь отмечает, что характерный именно для творчества братьев Стругацких «сказочный образ леса» [Там же] обнаруживается в прологе и первой главе романа, в которых соответственно описываются прекрасный утопический лес Земли и страшный ночной лес Арканарского королевства, самым опасным местом которого называется заброшенная полусгнившая изба, являющаяся тайной базой землян-историков. Рассматривая своеобразие трансформации фольклорной традиции в романе, Е. Неелов обращает особое внимание на соотношение сказочного и былинного начал в образе донна Руматы, но не проводит подробный анализ волшебного-сказочных элементов поэтики в изображении леса и дома в лесу, бо-

лее детальное исследование которых, как нам кажется, позволит расширить представление о художественном методе братьев Стругацких, зачастую намеренно использовавших в своих произведениях сказочные мотивы и образы.

Цель работы – выявить специфику пересмысления и функционирования элементов поэтики фольклорно-сказочного комплекса лесного дома в романе братьев Стругацких «Трудно быть богом».

Актуальность исследования обусловлена растущим в последние годы интересом к фольклорной сказке и появлением работ, посвященных изучению генетических и типологических связей сказочной традиции с научно-фантастической прозой и фэнтези, которые все чаще становятся объектами современных литературоведческих исследований.

Новизна работы заключается в том, что в статье впервые предпринимается анализ функционирования волшебного сказочного комплекса лесного дома в одном из самых известных романов братьев Стругацких, что в свою очередь даст возможность в дальнейшем рассматривать творчество писателей не только как наследников классической советской фантастики первой половины XX в., но и определить степень влияния традиционной культуры на прозу фантастов.

В ходе исследования будем опираться на представление о генетическом характере связи традиционной волшебной сказки

и фантастического романа, позволяющей говорить об определенном фольклоризме фантастической прозы, который зачастую обуславливается не субъективной волей писателя-фантаста, а «объективной логикой самого жанра научной фантастики, носящего отчетливо выраженный фольклорный, волшебного сказочный характер» [Неелов: 8]. Особый интерес для нас представляет сказочный комплекс *дом в лесу* как своеобразная пограничная зона между прошлым и будущей жизнью героя, культурно-исторически связанная с обрядами посвящения, которыми символически обозначалась «его временная смерть и воскресение, его пребывание в царстве мертвых и возвращение» [Пропп 2001: 34]. В работе применяются сравнительно-исторический, культурно-исторический методы и метод целостного анализа художественного произведения.

Как замечал в своей работе Е. Неелов, начало романа «Трудно быть богом» «подчеркнуто сказочно» [Неелов: 180]. Если в прологе изображается дружественный земной лес, сосновый, залитый солнцем, «сказочный лес-сад, разумно перестроенный руками человека» [Неелов: 181], превращающийся в символ утопической Земли, то первая глава романа открывается описанием опасного ночного путешествия по загадочному Икающему лесу дона Руматы Эсторского, под именем которого живет и работает на планете Эксперимента земной историк Антон. Как

было установлено нами ранее, инопланетный лес становится отправным пунктом для земного разведчика, который, «проходя путь от таинственного Икающего леса, ленного владения вольнолюбивого барона Пампы, до пыточных подвалов Веселой Башни», карнально проживая «загробную» жизнь в Арканарском королевстве под маской давно умершего «благородного дона», «постепенно спускается на самое дно феодального ада» [Пономарева: 241]. Ведущая в лес дорога наделена всеми атрибутами дороги в иной мир, фактически – в царство смерти. Длину пройденного пути герой измеряет оставшимися позади могилами, растущие у дороги кусты напоминают в сумраке «клубы застывшего дыма» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 31], то есть похожи на привидений, а на мутном небе с трудом угадываются редкие звезды, тускло поблескивающие в «угрюмом» зареве от горящей вдали деревушки; по обеим сторонам от дороги тянутся «болота, воняющие неживой ржавчиной», темнеют «курганы и сгнившие частоколы времен Вторжения», «пораженная лихорадками, морами и зловонным насморком» земля [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 32].

В сказке темный лес традиционно являлся границей между «своим» и «чужим» мирами, опасным для героя пространством. В романе братьев Стругацких Икающий лес играет роль рубежа «между прошлым и будущим, между миром Арканара и миром Земли»

[Неелов: 183]. Лес планеты Эксперимента, выступающий над горизонтом «черной зубчатой кромкой» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 32], описывается как живое существо, наводящее на мысли о хтоническом чудовище. При этом у чужого леса не только много зубов, но и множество лиц, бесчисленными воплощениями страшного леса становятся мифологические существа, в которых верят и которых боятся арканарцы: живущая в ветвях Отца-дерева птица Сиу, которую никто не видел и «которую видеть нельзя», кровожадные мохнатые пауки, нападающие на путников, древний зверь Пэх, который «волочит за собой двенадцать хвостов, потеющих ядовитым потом», голый вепрь Ы, «свирепое животное, неуязвимое для железа, но легко пробиваемое костью» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 41]. Интересно, что погруженные в иррациональный мир пугающих суеверий аборигены не отделяются от страхов, которыми живут, они по сути тоже являются частью мифологии леса. Так, бегущие через лес рабы сравниваются с пауками-кровососами, собирающие ингредиенты для своих снадобий колдуны с их помощью могут становиться невидимыми, «превращаться в некоторых животных или приобрести вторую тень» [Там же], а местные разбойники и беглецы с серебряных рудников «с черными ладонями и белыми, прозрачными лицами» [Там же] практически неотличимы от чудовищ, которыми местные пугают друг друга. Старинная

легенда, объясняющая появление странного названия – Икающий лес – также подтверждает мифологическое тождество арканарцев и их мира. Местное предание рассказывает, что необычным именем несколько веков назад лес наградила маршал Тоц, заметивший, что его опьяневшие и икающие от самодельной браги солдаты заставили икать весь лес: «Поистине, это невыносимо! Весь лес икает и провонял брагой!» [Там же: 40].

Традиционно в фольклорной сказке лес играет роль задерживающей непроницаемой преграды, обычно «лес “страшен” и для тех, кого он защищает» [Неелов: 83], то есть опасен и для героя, и для его противника, представляет угрозу и для «чужих», и для «своих». Характерно это и для Икающего леса. Подчеркнем, что указанное свойство переносится в романе и на дорогу, которая проходит через лес. В сказке лес всегда «окружает иное царство <...> дорога в иной мир ведет сквозь лес» [Пропп 2000: 41]. С ожидаемой осторожностью путешествует по дороге историк-землянин, пришелец с другой планеты, но подгоняемые еще большим страхом бегут по дороге и книгочеи, образованные люди, ученые, писатели, художники, объявленные властями Арканара вне закона. При этом охотящиеся за книгочеями и устраивающие засады на дороге серые штурмовики в свою очередь боятся Румату-Антоня, овеванного за годы работы на планете славой блестящего бойца, авантюриста и дуэлянта, который

имеет возможность под личиной благородного дона практически безнаказанно убить в драке пьяных патрульных. Интересно, что чужаками в Арканаре можно назвать и самих арканарцев, так как аборигены, согласно легенде о походе Тоца, являются потомками захватчиков, которые несколько веков назад «прорубались» через лес, «преследуя отступающие орды меднокожих варваров» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 40]. Мифологическая первозданность леса связывается и с уникальностью растущих в нем деревьев, огромных, «с твердыми белыми стволами, каких не сохранилось нигде больше в Империи» [Там же].

В романе особо подчеркивается, что самым опасным местом в страшном Икающем лесу считается таинственная изба, с незапамятных времен стоящая в самой чаще, «под громадным деревом, засохшим от старости» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 41]. Именно эта вросшая в землю покосившаяся изба наделяется основными атрибутами сказочного мужского дома в лесу, связанного с комплексом обрядов приобщения неофита к тайным знаниям, который обычно включал в себя саму инициацию новоприбывшего и его последующее временное проживание в закрытом для непосвященных доме. В романе братьев Стругацких загадочная изба, цель ночного путешествия дона Руматы, является секретной базой для встреч землян-историков, которые только здесь могут, на время

освободившись от масок благородных донов, пообщаться друг с другом и обсудить план дальнейших действий. Таким образом, скрытый в лесу дом, который по своей сути всегда «на поверку оказывается антидомом» [Неелов: 85], буквально становится пограничной зоной между двумя мирами, «сторожевой заставой» [Пропп 2000: 42], местом взаимопроникновения чуждых друг другу пространств и времен. Лиминальность пространства избы обыгрывается и в необычном названии, которое дают ей аборигены, Пьяная Берлога. Необходимо отметить, что столь красочное наименование (как и название леса) вновь символически отсылает, с одной стороны, к опьянению как пограничному состоянию сознания, а с другой – к мифологическому мироощущению, с которым соотносится представление о мире большинства арканарцев, погрязших в невежестве, отлученных от образования, науки и искусства. Именно в Пьяной Берлоге, с точки зрения местных жителей, циклически смыкаются начало и конец мира: под избой раз в двенадцать лет рождает своего потомка и после этого умирает древний зверь Пэх, заливая подпол своим ядом, а если яд выльется наружу, то наступит конец света.

Внешний вид опасной избы также напоминает о лесном доме фольклорной сказки. Дом в лесу традиционно «находится в тайнике леса» и «отличается своей величиной» [Пропп 2001: 40], поражает героя. Точного

указания размеров Пьяной Берлоги в романе нет, но удаленный от посторонних глаз дом описывается как «изба из громадных бревен, окруженная почерневшим частоколом» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 41]. Сказочный дом всегда «обнесен оградой, иногда – с черепами», часто «стоит на столбах» [Пропп 2001: 40], в него трудно проникнуть. Тайную базу землян, помимо полусгнившего частокола, окружают «покосившиеся идола, вырезанные из цельных стволов» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 41–42], которые выполняют функцию грозных стражей, так как, согласно местному поверью, они способны оживать, самостоятельно выкапываться из земли и выходить к лесной дороге. Кроме того, пробирающемуся к избе Румате приходится миновать заросли гигантских папоротников. Фольклорный «антидом» всегда закрыт для непосвященных, «вход и другие отверстия занавешиваются и закрываются» [Пропп 2001: 40]. Пьяная Берлога имеет лишь одно почерневшее от грязи окно, а дверь ее всегда закрыта.

Обыгрывается в романе и функциональное сходство сказочного дома и избы в Икающем лесу. Традиционно мужской дом «служил главным образом местом ночлега, а днем пустовал» [Пропп 2001: 43], обитатели такого дома всегда были объединены в братство, они все делали сообща. Если общим делом для сказочных «братьев» чаще всего были охота или разбой, то для земных историков

общим делом становится их исследовательская работа, наблюдение за жизнью чужой планеты. Объединяет разведчиков Эксперимент, попытка разрешить научную проблему, названную Проблемой Бескровного Воздействия: ученые, действуя под масками местных жителей, стремятся облегчить жизнь аборигенов и ускорить развитие планеты Эксперимента. Первостепенной задачей они считают спасение гонимых и уничтожаемых книжечеев, которые стремятся служить своими знаниями «запуганному старинной чертовщиной народу... Беззащитные, добрые, непрактичные, далеко обогнавшие свой век» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 39-40]. Всецело отдаваясь подпольной деятельности днем, историки могут встречаться и общаться друг с другом только ночью, тайно, в удаленной от всех поселений лесной избушке. При осуществлении своих планов земляне вынуждены прикрываться той самой мифологической «чертовщиной», которую в далеком будущем они надеются изжить.

Общение земных наблюдателей в лесном доме также отчасти пародирует иерархические отношения сказочных персонажей. Как замечает Е. Неелов, в ночном разговоре Антона-Руматы с коллегами можно различить архетипическую ситуацию отношения к главному герою сказки его старших братьев, «которые считают себя, в противовес “глупому” младшему брату, безусловно “умными” и знающими, что надо делать и как

правильно жить на свете» [Неелов: 184]. Как нам кажется, беседу Руматы и его старшего товарища дона Кондора, под личиной которого скрывается Александр Васильевич, старый друг и наставник из Института экспериментальной истории, можно сопоставить и с взаимодействием еще неопытного неопита и лесного учителя, к которому в сказках обычно отправляли на обучение главного героя. Подтверждается это и подготовкой Руматы ко встрече с доном Кондором, отсылающей к поведению самых младших членов лесного братства, представителей низшего ранга «новопоступивших», которые занимались хозяйством: «В то время как братья охотятся, один из них готовит для них пищу» [Пропп 2001: 45]. Приехав в избу первым, Антон, который работает на планете шестой год, сначала наводит порядок в доме: «Румата убрал со стола, подмел пол и протер стекло единственного окна <...> Затем он напоил хамахарского жеребца, засыпал ему овса из седельной сумки, умылся и сел ждать <...>» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 46]. Прибывший следом Александр Васильевич, который живет Экспериментом уже пятнадцать лет, не только занимает в аборигенной имперской иерархии более высокий статус (являясь Генеральным судьей и Хранителем больших государственных печатей торговой республики Соан и кавалером имперского Ордена Десницы Милосердной), но и в принятой на себя роли внешне напоминает сказочного

наставника, жреца, который мог проводить тайные обряды посвящения в лесной избушке: «Плащ еще медленно падал у него за спиной, а он уже сидел на скамье <...> уперев руку в бок, а отставленной правой держась за эфес золоченого меча, вонзенного в гнилые доски пола» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 47]. Сказочный учитель обычно «глубокий старик, колдун, леший, мудрец», у которого герой «приобретает умение, а не знание» [Пропп 2000: 82–83], то есть учится применять на практике приобретенные ранее знания, получает опыт. Именно этим и занимаются историки, применяя и проверяя научные знания в реалиях чужой планеты. Значимо, что сам дон Кондор, делаясь опытом, признается Румате в том, что он все это уже пережил, ему знакомы сомнения молодого коллеги и «чувство бессилия и собственной подлости» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 50]. Интересно, что Александр Васильевич, резко постаревший в ходе тяжелого разговора, первым переходит на русский язык и называет Румату настоящим именем. Только после этого, получив своеобразное разрешение старшего, следует его примеру и Антон. При этом в течение всего разговора, пока Румата пытается обратить внимание коллег на несоответствие базисной теории, которой руководствуются историки, и реальной практики арканарской жизни, дон Кондор прямо называет его нетерпеливым ребенком: «Если ты слаб, уходи. Возвращайся домой.

В конце концов, ты действительно не ребенок и знал, что здесь увидишь» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 49].

Подчеркнем, что лесной дом в романе братьев Стругацких нельзя назвать местом инициации героя. Как неоднократно вспоминает Румата, первоначальную физическую и психологическую подготовку к работе историка проходят на Земле. Как нам кажется, в пространстве Пьяной Берлоги актуализируется вторая составляющая комплекса – временное пограничное состояние неопита после посвящения. Особо отметим, что пространство пребывания в этом состоянии, символически обозначенном в первой главе с помощью сказочного образа лесной избушки, расширяется в романе до всей планеты Эксперимента. При этом эксперименту, как верно замечает Е. Козьмина, «подвергается теория исторического развития, сама история, а главное – человек в этой истории» [Козьмина: 103]. На первый план выходит испытание научной теории земных историков, но проверка Проблемы Бескровного Воздействия оборачивается испытанием главного героя, и в конечном итоге всех землян, на человечность, ведь «если ты человек, у тебя нет другого пути стать человеком, кроме как пройти через пограничный опыт» [Микешин: 251]. Так, лиминальная зона соприкосновения Земли и планеты Эксперимента предстает пространством взаимного разоблачения обоих миров.

Разоблачение антиутопического Арканарского королевства в романе сюжетно связывается в первую очередь с гонениями на книгочеев, спасением которых и занимается дон Румата. Одним из представителей этой непризнанной местной интеллигенции можно назвать и отца Кабани, «прирожденного инженера, инстинктивного химика и мастера-стеклодува» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 45], временным убежищем которого и становится дом в Икающем лесу. Насильно отторгнутый своим миром даже лучший из его представителей, образованный человек, ученый, в конечном итоге постепенно деградирует, превращается в часть мифологической «чертовщины», буквально становясь физическим воплощением духа Пьяной Берлоги, получившей свое название благодаря отцу Кабани. Мифологически множится и облик беглого книгочея. Деревенский дурачок, случайно заглянув в избу, принимает его за святого Мику еще до его приобщения к вере, пьяницу, многоженца и сквернослава. К звериному началу отсылает как имя пьющего изобретателя, так и описание его внешности, нечесаная голова, волосатые пальцы. Добравшийся до самогона книгочей прямо сравнивается с одним из мифологических обитателей леса: «Отец Кабани схватил кружку и приник к ней волосатой пастью. Глотая ядовитую смесь, он рычал, как вепрь Ы <...>» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 44]. Упоминание же яда вновь отсылает к древнему

зверю Пэху. Сам Кабани признается Румате, что, испугавшись отражения в зеркале, принял самого себя за морского зверя: «Морской зверь – спрут – весь цветными пятнами иду. То красный. То синий» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 44].

Отметим, что, с одной стороны, отец Кабани продолжает проводить свои химические эксперименты прямо на подоконнике единственного окна полусгнившей избы, с другой – он беспробудно пьет и, вероятно, практически не выходит из состояния опьянения, так как теряет даже ощущение времени. В разговоре с Руматой он сокрушается, что лесной дом постоянно окружает ночь. Значимо, что средством достижения постоянного пограничного состояния сознания ученого становится «горючая вода», одно из его собственных изобретений, призванных, по первоначальному замыслу отца Кабани, улучшить жизнь его современников: «горючую воду» он придумывал для «растопки костров и произведения веселых фокусов» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 44]. Такая же участь стараниями арканарских властей в лице дон Рэбы постигает и другие изобретения ученого, которые теперь не облегчают жизнь людей, а превращают ее в ад: колючей проволокой не защищаются от волков, а оплетают рудники, чтобы «не бегали с рудников государственные преступники», а незаменимая в хозяйстве «мясокрутка» применяется в Веселой Башне для пыток [Там же]. Впав-

ший в отчаяние, граничащее с безумием, отец Кабани инстинктивно старается разрешить проблему своей ответственности как ученого-изобретателя за бездумное и безжалостное применение своих открытий во вред людям. Заливая боль и страх алкоголем, книгочей придумывает собственный миф о всемогущем существе, которое заранее создало все изобретения и оставило их людям: «Кто-то давным-давно все выдумал, сложил все в ящик, провертел в крышке дыру и ушел... Ушел спать...» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 43]. Интересно, что это мифологическое объяснение перекликается с идеей о богах-наблюдателях, которыми хотят быть земные историки для аборигенов: «Мы здесь боги, Антон, и должны быть умнее богов из легенд, которых здешний люд творит кое-как по своему образу и подобию» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 50].

Взаимное разоблачение противостоящих друг другу «организованного зверства и напирющей серости» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 46] Арканара и земной идеи Эксперимента отражается в пространственной организации пограничной зоны Пьяной Берлоги. Традиционно лесной дом состоял из нескольких помещений, «отделений или комнат», в самой отдаленной и тайной из которых могла проводиться сама инициация или хранились святыни [Пропп 2001: 39]. Дом в Икающем лесу тоже можно условно разделить на три «этажа», представляющие

определенную иерархию, которая в романе одновременно намечается и разрушается при столкновении с реальностью. Иррациональный хтонический уровень представляет подпол избы, последнее пристанище ядовитого Пэха, символ начала и конца мира, суеверий, в которые продолжают свято верить аборигены. Основное помещение занимает отец Кабани, беглый ученый, гипотетический наставник, учитель и «жрец», к которому никогда не придут ученики. Здесь же проходит напряженный разговор земных историков, которые спорят о жизнеспособности Эксперимента. Подчеркнем, что во время пребывания в доме разведчики даже не обращают внимания на книгочей, теряющего человеческий облик и постепенно деградирующего до состояния мифологического чудовища. Разговаривает с отцом Кабани только Румата.

Роль дальней комнаты, сокровищницы тайных знаний, играет кладовка, в которой бок о бок стоят научные изобретения обоих миров: «громоздкий спиртогонный агрегат» отца Кабани и земной «малогабаритный полевой синтезатор “Мидас”» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 45]. Обе «адские машины» [Там же] не оправдывают ожиданий своих создателей. Аппарат отца Кабани, который скрывается в лесу, не служит ни властям, ни народу Арканара, но при этом медленно уничтожает своего спивающегося изобретателя. По-своему уничтожает землян и задуманный ими Эксперимент. Утопическая

идея теоретиков из Института экспериментальной истории изначально представляется безрассудным соединением несоединимого, ведь история не признает движения назад и не допускает экспериментов над собой. Практика имперской жизни превращает утопическую мечту в антиутопию, земные историки, пытающиеся играть в богов, бессильны изменить аборигенов планеты, так как «получив все даром, они все равно останутся животными» [Пономарева: 242], лучшие намерения разведчиков чаще всего приводят к провалу или к незначительному успеху. Синтезированное «Мидасом» золото дьявольской чистоты в конечном итоге подерживает обе противоборствующие стороны. Деньги, которые Румата использует для спасения книжечеев, искусственно накачивают существующую систему власти дополнительными ресурсами, укрепляют ее. Попадая же в руки профессионального революционера, мятежника Араты, монеты «с аристократическим профилем Пица Шестого» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 45] способствуют осуществлению подрывной деятельности, которая только умножает количество жертв. Сам Румата, осознавая беспомощность базисной теории, которая не может объяснить происходящее в Арканаре, и бессмысленность большей части своих действий, признает: «Здесь все бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 49].

Анализируя роман «Трудно быть богом» как произведение «прогрессорского» цикла, А. Лобин приходит к выводу, что в конечном итоге братья Стругацкие «манифестируют общую идею невозможности оптимизации истории и ускорения прогресса» [Лобин: 29]. Я. Солдаткина, рассматривая безвыходную ситуацию, в которой оказался Румата, с точки зрения аксиологии, замечает, что финальная попытка героя противостоять насилию насилием гибельна «и для самого героя, и для социума, за который герой, несмотря на обстоятельства конца света, несет нравственную и историческую ответственность» [Солдаткина: 292]. Как нам кажется, чужая планета влияет на землян намного больше, чем они могут повлиять на нее, так как будущий «посев», для которого, по словам дона Кондора, историки только готовят почву, так и остается теоретической абстракцией далекого будущего. За годы пребывания на планете Румата погружается в ощущение неправомерности происходящего. Подчеркнем, что ситуация несоответствия драматически осложняется, превращаясь в чувство двойной неправомерности. Землянин-коммунар не может принять «типично фашистскую практику» Арканара, где «звери ежеминутно убивают людей» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 48-49], но неприемлема также и сухая теория Проблемы Бескровного Воздействия, которая в условиях его работы превращается в «научно обоснованное бездействие» [Стру-

гацкий А., Стругацкий Б.: 48]. Разведчик понимает, что в реалиях Эксперимента и действие, и бездействие одинаково преступны. Это приводит к своеобразному раздвоению сознания героя, которое в романе разворачивается как внутренний диалог земного историка Антона и дон Руматы Эсторского, а в лиминальном пространстве лесного дома находит отражение в театрализованной встрече коллег-историков, решенной в эстетике карнавального романтического гротеска, отличительными чертами которого становятся редуцирование смехового начала и утрата его положительной возрождающей силы, «мир романтического гротеска – это в той или иной степени страшный и чуждый человеку мир» [Бахтин: 46-47].

Пограничное состояние сознания Руматы, напоминающее романтическое безумие, «карнавал, переживаемый в одиночку с острым сознанием этой своей отъединенности» [Бахтин: 45], выливается в ощущение нереальности происходящего. Ожидая прибытия товарищей в Пьяной Берлоге, Антон в очередной раз размышляет о том, что он уже с трудом различает, где заканчивается предписанная Экспериментом игра в бога и начинается реальная жизнь «высокородного хама» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 127] дон Руматы. Герой практически ждет избавления, мечтая о том, чтобы страшная реальность Арканара вдруг оказалась лишь причудливым представлением на сцене Ин-

ститута экспериментальной истории. Интересно, что взрослая профессиональная деятельность Антона предстает своеобразным продолжением его детской игры с друзьями в прекрасном земном лесу из пролога, сюжетной основой для которой тоже становится история «чужой» планеты. Если в прологе в ходе опасной игры переход к суровой реальности только намечается, то в основной части романа «чужая» действительность оборачивается настоящей жизнью разведчика, которую можно назвать постоянной борьбой со смертью.

Заметим, что пограничное мироощущение характерно для всех землян. В разговоре историки вспоминают о коллегах, «спринтерах с коротким дыханием» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 51], которые, сойдя с ума от ужасов иного мира, теряли контроль, устраивали бунты, восстания и дворцовые перевороты, стремясь воплотить желанную утопию в жизнь здесь и сейчас. Значимо, что даже на тайной лесной базе в узком кругу единомышленников разведчики не могут полностью освободиться от масок «благородных подонков» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 50], они говорят на чужом языке и обращаются друг к другу, используя оперативные псевдонимы. Как замечает С. Яковлева, взаимопроникновение двух цивилизаций отражается даже на уровне наименования персонажей: «имена проникают из одного мира в другой, делая грань между ними более зыбкой» [Яковлева:

167]. Даже споря о базисной теории, историка продолжают играть заученные роли, перемежая важный разговор на русском языке незначительными репликами из разыгрываемой имперской жизни. Специфически преломляется в пограничье лесного дома гротескно-романтический «мотив трагедии куклы» [Бахтин: 49]. Разум Руматы отчаянно борется с чуждой идеологией, но его тело продолжает рефлекторно жить страшной ролью. Изначальный искренний порыв Антона броситься в объятия Александра Васильевича оборачивается подневольным следованием этикету, который превращает его в своеобразную марионетку: «<...> ноги <...> сами собой согнулись в коленях, шпоры торжественно звякнули, правая рука описала широкий полукруг от сердца и в сторону, а голова нагнулась так, что подбородок утонул в пенно-кружевных брыжах» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 46-47].

Венчает саморазоблачение землян диалог Руматы со старшим товарищем. Именно дон Кондор, пытаясь убедить Антона в необходимости быть божественно терпеливым, актуализирует характерный для романтического гротеска мотив одиночества, символически смыкающийся с постепенным стиранием воспоминаний о родной планете, которое приводит в конечном итоге к потере идентичности: «<...> все вокруг помогает подонку, а коммунар один-одинешенек – до Земли тысяча лет и тысяча парсеков» [Стру-

гацкий А., Стругацкий Б.: 50]. Сомнения Руматы в рациональности Эксперимента подтверждаются опытом Александра Васильевича: за пятнадцать лет работы, по его собственному ощущению, он не только перестал видеть сны о Земле, но и успел превратиться из историка в экспонат музея Института экспериментальной истории. Уже здесь, в Пьяной Берлоге, дон Кондор, точно предсказывая трагический исход, признается, что самое страшное в их работе – «человеческий облик потерять» [Там же]. В финале романа Антон-Румата приходит к похожему выводу, он осознает, что реальная практика Эксперимента требует от него превращения не в бога, а в животное: «Я же все-таки человек, и все животное мне не чуждо» [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 79].

Подводя итог, подчеркнем, что сказочный комплекс лесного дома в романе братьев Стругацких, являясь тайной базой земных разведчиков, играет роль пограничной зоны между «своим» миром Земли и «чужим» миром планеты Эксперимента. В пространстве Пьяной Берлоги на первый план выходит вторая составляющая фольклорного комплекса, связанная с временным лиминальным состоянием неофита после посвящения. Пространство пребывания в пограничном состоянии испытания, символически намеченное в первой главе с помощью сказочного образа лесной избушки, расширяется в романе до всей планеты Эксперимента. Особое

внимание уделяется испытанию идеи, базисной теории земных историков и Проблемы Бескровного Воздействия, которое оборачивается проверкой главного героя и его товарищей на человечность.

Пограничная зона соприкосновения и взаимопроникновения двух чуждых друг другу планет предстает пространством взаимного разоблачения обоих миров, которое дополняется и закономерным саморазоблачением, решенном в эстетике романтического гротеска. Разоблачение антиутопического Арканарского королевства связывается с преследованиями книгочеев, спасением которых занимается дон Румата. Ситуация безысходности, в которой оказывается герой, драматически осложняется, превращаясь в ощущение двойной неправильности происходящего. Землянин-коммунар не может принять реальность Арканара, но неприемлема для него и абстрактная базисная теория земного Института экспериментальной истории.

В конечном итоге реальная жизнь чужой планеты превращает утопическую мечту в антиутопию, земные историки, пытающиеся играть в богов, бессильны изменить абorigенов, лучшие намерения разведчиков приводят либо к провалу, либо к незначительному успеху. Планета Эксперимента влияет на землян гораздо больше, чем они могут повлиять на нее. В финале романа борьба Антона-Руматы с собственной природой и ощущением двойственности, разрывающим его

изнутри, приводит героя к срыву, предсказуемому в свете как уязвимости базисной теории землян, так и торжества антиутопической практики чужой планеты.

Литература

Антонов, А.В., Чередникова, М.П. Функция хронотопа в повести «Беспокойство» братьев Стругацких // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 1 (138). С. 61–66.

Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.

Козьмина, Е.Ю. Жанровая специфика романа А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 18 (98). С. 100–107.

Лобин, А.М. К вопросу об эволюции авторских концепций истории в научной фантастике XX–XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 28–30.

Микешин, М.И. Социальная метафизика братьев Стругацких // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 4. С. 243–253.

Неелов, Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986.

Пономарева, Д.В. Всемогущее бессилие дон Руматы: о специфике интерпретации донкихотовской ситуации в романе А. и

Б. Стругацких «Трудно быть богом» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 240–242.

Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.

Пропп, В.Я. Сказка. Эпос. Песня. М.: Лабиринт, 2001.

Солдаткина, Я.В. Сюжет «конца света» в русской прозе XX–XXI вв. глазами героя-интеллекта: социальное, фантастическое, и аксиологическое // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 287–297.

Стругацкий, А.Н., Стругацкий, Б.Н. Трудно быть богом. Попытка к бегству. Далекая Радуга. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2003.

Фокин, А.А. В ожидании «светлого будущего»: советская литература периода «оттепели» // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика / под ред. Т. Кругловой. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. С. 323–334.

Яковлева, С.П. Структурообразующая функция имен собственных (на материале повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом») // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. № 130. С. 166–169.

References

Antonov, A.V., & Cherednikova, M.P. (2014). Funktsiya khronotopa v povesti “Bespokoystvo” brat’ yev Strugatskikh [The function of chronotope in the novel “Disquiet” by the Strugatsky

Brothers]. *Uchenyye Zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 1(138), 61–66.

Bakhtin, M.M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul’tura srednevekov’ya i Renessansa* [The works of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Koz’mina, E.Yu. (2012). Zhanrovaya spetsifika romana A. i B. Strugatskikh “Trudno byt’ bogom” [The genre specificity of A. and B. Strugatsky’s novel “Hard to Be a God”]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul’turologiya* [RGGU Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies], 18(98), 100–107.

Lobin, A.M. (2016). K voprosu ob evolyutsii avtorskikh kontseptsiy istorii v nauchnoy fantastike XX–XXI vekov [On the evolution of authors’ concepts of history in 20th and 21st century science fiction]. *Filologicheskiye Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1-2(55), 28–30.

Mikeshin, M.I. (2015). Sotsial’naya metafizika brat’ yev Strugatskikh [The Strugatsky Brothers’ social metaphysics]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 4, 243–253.

Neyelov, E.M. (1986). *Volshebno-skazochnyye korni nauchnoy fantastiki* [The magical and fairytale roots of science fiction]. Leningrad: Leningrad University.

Ponomareva, D.V. (2018). Vsemogushcheye bessiliye dona Rumaty: o spetsifike interpretatsii donkikhotovskoy situatsii v romane A. i B. Strugatskikh “Trudno byt’ bogom” [The all-powerful impotence of Don Rumata: on the interpretation of the Don Quixote situation in the novel “Hard to Be a God” by A. and B. Strugatsky]. *Filologicheskiye Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1 (79), Part 2, 240–242.

Propp, V.Ya. (2000). *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint.

Propp, V.Ya. (2001). *Skazka. Epos. Pesnya* [Fairy tale. Epic. Song]. Moscow: Labirint.

Soldatkina, Ya.V. (2021). Syuzhet “kontsa sveta” v russkoy proze XX-XXI vv. glazami geroya-intellegenta: sotsial’noye, fantasticheskoye, i aksiologicheskoye [The “End of the World” plot in Russian prose of the 20th and 21st centuries through the eyes of an intellectual hero: social, fantastic, and axiological]. *Novyy Filologicheskyy Vestnik* [New Philological Bulletin], 3(58), 287–297.

Strugatskiy, A. N., & Strugatskiy, B. N. (2003). *Trudno byt’ bogom. Popytka k begstvu. Dalekaya Raduga* [Hard to be a god. An attempt to escape. A distant Rainbow]. Moscow; St. Petersburg: AST; Terra Fantastica.

Fokin, A.A. (2015). V ozhidanii “svetlogo budushchego”: sovetskaya literatura perioda “ottepeli” [Waiting for a bright future: Soviet literature during the Thaw Period]. In T. Fokina (Ed.), *Politizatsiya polya iskusstva: istoricheskiye versii, teoreticheskiye podkhody, esteticheskaya spetsifika* [Politicization of the art field: historical versions, theoretical approaches, and aesthetic specificity]. Yekaterinburg: Humanitarian University, 323–334.

Yakovleva, S.P. (2011). Strukturnoobrazuyushchaya funktsiya imen sobstvennykh (na materiale povesti A. i B. Strugatskikh “Trudno byt’ bogom”) [The structuring function of proper names (Based on the novel “Hard to Be a God” by A. and B. Strugatsky)]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Bulletin of Herzen State Pedagogical University], 130, 166–169.

Для цитирования: Пономарева, Д.В. Дом в лесу: переосмысление волшебного-сказочной традиции в романе А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 2. С. 77–93. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-2-77-93

For citation: Ponomareva, D.V. (2025). A house in the forest: Rethinking the magical-folk tradition in A. and B. Strugatsky’s novel “Hard to be a God”. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (2), 77–93. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-2-77-93

A HOUSE IN THE FOREST: RETHINKING THE MAGICAL-FOLK TRADITION IN A. AND B. STRUGATSKY'S NOVEL "HARD TO BE A GOD"

Dar'ya V. Ponomareva, PhD in Philology, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
e-mail: dvponomareva@sfnedu.ru

Abstract. The article is to analyze the specifics of the transformation and functioning of the elements of the magical-fairytale complex of the house in the forest in the novel "Hard to Be a God" by the Strugatsky brothers. The forest house, used by Earth historians as a secret base, plays the role of a border zone between the "home" world of Earth and the "foreign" world of the Experiment planet. In the liminal space of the Drunken Den, the second component of the fairytale complex comes to the fore, associated with the temporary border state of the neophyte after initiation. The testing space, which was introduced in the first chapter through the fairytale image of the forest house, expands in the novel to encompass the entire planet of the Experiment. Special attention is paid to the testing of the idea, the scientific Problem of Bloodless Influence, which turns into a test of the main character and his companions' humanity. The border zone of the interpenetration of alien civilizations appears as a space of mutual exposure of both worlds, which is complemented by self-exposure in the spirit of carnival romantic grotesque. The exposure of the dystopian Arkanar is linked to the persecution of bookworms, which Don Rumata is trying to save. The hopeless situation in which the protagonist finds himself becomes increasingly complicated, leading to a sense of wrongness. The Earthman cannot accept the terrible reality of Arkanar, but the hero also rejects the abstract basic theory of the Earth's Institute of Experimental History. Ultimately, the real life of the alien planet turns the utopian dream into an anti-utopia, and the Earth's historians, who attempt to play the role of gods, are powerless to change the natives. The planet of the Experiment affects the explorers much more than they can affect it. In the novel's conclusion, Anton-Rumata's struggle with his own nature and the sense of duality leads him to a breakdown, which is predictable in light of both the vulnerability of the Earthlings' basic theory and the triumph of the dystopian practices of the alien planet.

Key words: brothers Strugatsky, science fiction, fairy tale, house in the forest, utopia, dystopia, borderland, Progressivism, romantic grotesque

